

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

РАССТРЕЛЬНЫЙ СПИСОК

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Иллюстрация на переплете
Владимира Нартова

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Расстрельный список / Сергей Зверев. —
Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Чекисты.
Волки Сталина).

ISBN 978-5-04-180100-7

1931 год, Украина. В республике поднимают головы банды, которые пытаются устроить массовые народные волнения, а польская разведка в то же время вынашивает планы оккупации части территории.

Особой жестокостью отличается шайка атамана Коновода — большого любителя вешать людей и грабить колхозные запасы.

А еще в банде есть весьма приметная троица — крепкие хлопцы по прозвищу Указчик, Петлюровец и Одессит. Станные они немного, но умные, проницательные, и атаман доверяет им, как самому себе.

Вот только ни одна живая душа в банде не догадывается, что у тех хлопцев на уме и почему они, уничтожив какого-нибудь упитанного представителя новой советской власти, словно ставят галочку в некоем невидимом, секретном и очень длинном расстрельном списке...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180100-7

© Зверев С.И., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Часть первая

МЯТЕЖНИКИ И ВРЕДИТЕЛИ

ГЛАВА 1

Он партиец. И я партиец. Но теперь мы по разные стороны баррикад. Притом фатально для одного из нас. Потому как сейчас он — сотрудник республиканского контрольно-исполнительного органа власти, а я закоренелый террорист. И мои боевые товарищи — террористы. А все вместе мы — терроргруппа.

Вот в результате такого странного загиба бытия я и жду в кустах около дороги его, Михайло Нечитайло, ответственного работника Рабоче-крестьянской инспекции Украинской ССР. В его обязанности входит коренизация и украинизация республики, и этому нелегкому делу он предан до фанатичности.

Обычно вылазки на подведомственную территорию этот советский чиновник совершает в гордом одиночестве. Волевым решением оставляет за бортом своего персонального автомобиля положенного ему по штату личного шофера. Последний жалобно скулит о своей ответственности за технику и транспортируемую персону, но разжалобить твердокаменного начальника ему пока не удалось ни разу.

Нечитайло нравится самому небрежно крутить рулевое колесо и нестись на максимальной скорости по украинским дорогам, от которых часто осталось одно название. Сейчас время для автомобильных путешествий вполне подходящее: припекло майское солнышко, подсушив непроходимую черноземную грязь и связав населенные пункты вполне преодолимыми колесным транспортом путями.

Как там в поговорке: «Машиной овладеешь — легче путь одолеешь!»? Вот и одолевает Нечитайло дальние пути, возникая как черт из табакерки то здесь то там, сея то панику, то отчаянье среди тех представителей соваппарата, кто не сумел «коренизироваться» и освоить тонкости украинского языка и культуры. Сейчас он бодро направляется в Новоникольский район, где его ждали с содроганием.

Впрочем, причины этих индивидуальных автопробегов лежали не столько в любви коренизатора-украинизатора к простору и скорости, сколько в желании удалиться от чужих любопытных глаз в укромные места на каких-нибудь отдаленных хуторах. Зачем? Встреча! Как много в этом слове слилось для тех, кто профессионально играет в хитрые агентурно-оперативные игры.

Я извлек из кармашка просторной рабочей куртки часы-луковицу. Стрелка двигалась непозволительно медленно, но оно и неудивительно. В засадах, в тягостном ожидании, время всегда замедляет свой ход, чтобы потом компенсировать это отстава-

ние тем, что понесется в галоп, когда настанет пора действовать.

Эх, главное, чтобы наводка сработала. Но те, кто ее давал, пока что в промахах не замечены.

— Припозднился, сучий потрох, — скривился Петлюровец, присевший на корточки рядом со мной, приподнимая стволом револьвера козырек вечно сползающей на нос широкой кавказской кепки. Он был раздражен, как и обычно, когда долго не имел возможности затянуться папиросой или, на самый крайний случай, самокруткой с доброй махорочкой. А в засаде не курят. В засаде ждут.

Неторопливо протащи́лась по дороге крестьянская подвода с горшками, на которой сидел старик в чистой холщовой рубаше, широких портах и лаптях. За ней весело бежали два босоногих пацаненка. Двигайте побыстрее отсюда! Нам только посторонних здесь не хватало!

Ну же! Где ты, чертов автомобилист-коренизатор?!

Прошло еще пять минут. И чарующей музыкой прозвучал для моих ушей долгожданный нарастающий рокот автомобильного мотора.

Из-за деревьев появился зеленый двухместный французский «Сенешаль» с откидным верхом. Трофеей польской войны двадцатого года. Но еще ездит, притом достаточно шустро. Крепкая машинка и ремонтпригодная. До поры до времени. Ведь чем хороши для специалистов нашего профиля автома-

шины — их легко обездвижить, всадив в двигатель меткую пулю.

Время пришло! Встаю во весь рост. Вскидываю «мосинку». И безукоризненно точно разношу одним выстрелом двигатель. Тот чихает. Захлебывается. Машина виляет в сторону, зарывается носом в жесткий придорожный кустарник. Из нее выпрыгивает перепуганный незнакомый знакомец с явным намерением задать стрелача.

— Стоять! — кричу я, для острастки еще раз пуляя в воздух.

Водитель «Сенешаля» резко вскидывает руки, кричит что есть силы:

— Не стреляй! Сдаюсь!

Так он и застыл около машины, подняв руки вверх и затравленно рассматривая подходящую к нему троицу. Никого из нашей группы он не видел раньше — ни меня, ни Петлюровца, ни Одессита. Ну вот и повод познакомиться — «нечаянная» встреча на сельской проселочной дороге.

— Не доехал, комиссар? Бывает, — хохотнул Петлюровец, снова поправив кепку стволом нагана и им же тыкая в грудь пленнику.

Нечитайло был полноват, курчав, черноволос, с пронзительными карими глазами. Одет форсисто, в стиле «шофер авто»: кожаная куртка, кожаный шлем, кожаные очки-консервы.

— Товарищи... Господа... — сбился он, все еще надеясь взять ситуацию под контроль. — Вы что-

РАССТРЕЛЬНЫЙ СПИСОК

то напутали! Я не комиссар. Я учитель украинского языка!

— Как на собраниях — то комиссар, а как в степи — то учитель, — кивнул Петлюровец. — Чему учишь? Как москалю сподручнее вильну Украину в рабстве держать?

— Да я за нее, за нэньку Украину, всю жизнь положил! — искренне возмутился Нечитайло.

Тут разверзлись хляби небесные, и потопом хлынули слова. Видя, что дело пахнет керосином, он многословно и с готовностью принялся унижаться, умолять. Долдонил, что в душе всегда был против советской власти. Готов сотрудничать ради ее поражения. Да что там готов — уже сотрудничает с поляками, от которых, если что с ним случится, нам не поздоровится, из-под земли достанут. Зато если согласимся его отпустить и расцеловать при этом в обе щеки — так Польша за этот благой жест завалит нас оружием и деньгами на подрыв советской власти. В общем, вербовал нас как только мог.

Про Польшу — это интересно. Тут стоит расспросить его поподробнее. Пусть даже теряя время и рискуя, что на дороге появятся ненужные нам свидетели.

Страх за свою жизнь что-то сдвинул в мозгах «коренизатора». Он легко выдавал явки и пароли. Может, они и пригодятся нам когда-нибудь. Во всяком случае, Петлюровец, засунув за пояс наган, добросовестно, со сноровкой стенографиста фиксировал откровения карандашом в свой блокнот.

— Готов все сделать! Мы с вами на одном корабле! — в итоге совсем приободрился советский чиновник. Он знал, что в этих лесах пошаливают украинские националистические шайки, и теперь всей душой был готов примазаться к одной из них.

— Не интересуется, — огласил я вердикт и отошел в сторону, сделав условленный знак рукой.

Нечитайло еще не знал, что мы пришли не за его готовностью к сотрудничеству, а за его жизнью. За жизнью моего некогда соратника по партии большевиков. Его беда в том, что он в расстрельном списке. Который нами исполняется неукоснительно и неотвратно.

Петлюровец с пониманием кивнул... Хлыстом щелкнул револьверный выстрел. Я вздрогнул, как будто попали в меня.

Сделали. Сработали. Как же ненавидел я сейчас сам себя... Хотя все меняется, и от ненависти до любви один шаг. Так что я еще буду иметь возможность возлюбить себя. Когда смою грязь от вынужденных злодейств. А пока прочь посторонние чувства!

Пора уходить. Записочку не забыть на месте преступления оставить, чтобы не забывали и не расслаблялись. «Нет — Украине пролетарской! Да — Украине украинской! Народный защитник Указчик».

Завтра нас ждут новые подвиги. Поджигать Малороссию, раздувать искры народного гнева, взрослого на зернозаготовках и коллективизации

РАССТРЕЛЬНЫЙ СПИСОК

с выселениями. Пепел Свободной Украины стучит в мое сердце, как пепел Клааса стучал в сердце средневекового революционера Тиля Уленшпигеля. В общем, Украина будет свободной!..

ГЛАВА 2

Жаркое солнце июня 1931 года высушивало землю. Дождей не было, зной изнурял. Но дела у шайки Указчика шли неплохо.

Вчера подломили кассу Потребкооперации в сонном райцентре Завойск. Заявились туда со всей дури всей толпой. Пальнули пару раз для остратки. Такого там давно не бывало, сопротивления ошеломленный народ не оказал. Пока прочухались да забегали — мы уже по коням и на простор. А денежки лишними не бывают. Нужно щедро подогреть добрых людей, которые к тебе тянутся всей душой. И ничто не греет их души лучше, чем деньги, особенно вожаемые царские и советские золотые червонцы.

Вот они, те самые добрые люди. С трудом уместились почти три десятка человек в просторной глиняной мазанке в степи. Мы сами себя обозначили как вольный съезд с незатейливым скромным названием «Великая Украина».

Расселись за длинными столами, составленными буквой «Г», люди: бородатые и гладко выбритые, цивильно или по-крестьянски одетые, чавкающие и заглатывающие стакан самогоночки-горилочки

или чинно тыкающие вилкой в капусту и поднимающие рюмочку непременно с тостом «За свободу и волю». Это мои соратники. Бандподполье.

Горилка уже начинала кружить буйные головушки. Один из делегатов, глянув на внимательно смотрящего на него черно-белого героя Гражданской войны Семена Буденного, затаившегося в застелившей стол газете, нервно икнул и вонзил в него нож: — Курва!

Сегодня на Украине, особенно на западе, редко где найдешь место, возле которого не завелась бы своя банда. Обычно хлопцы больше прятались, чем воевали, серьезной силой не являлись, поскольку раздроблены и разобщены. Этот недостаток я и исправлял по мере сил, наводя между ними связи и сплачивая в единое целое.

Кого только не притягивала «Великая Украина». Кулаки, разбойники, бывшие петлюровцы, сечевые стрельцы, анархисты, белогвардейцы. Забытые и вновь воспрявшие персонажи времен вольницы Гражданской войны и Польской кампании. Разбуженные коллективизацией и стоном раскулачиваемого и сгоняемого в колхозы народа, они выкопали из захоронок винтовки и обрезы.

Конечно, масштабы далеко не те, что после революции. Тогда в бандах воевали тысячи. Сейчас десяток сабель уже величина, да и тем приходится все время хорониться, бежать. Потому как за ними охотятся. Против них воюет уже состоявшееся го-

сударство, а не просто Советы рабочих и крестьян, только взявшие власть.

Я у всей этой братии теперь Указчик. Это, конечно, не атаман, который «что хочет, то и ворочит». Это скорее такая указующая длань. Почему такая честь досталась именно мне, прибывшему из далекой Сибири, неприлично молодому, да и не бывавшему в этих краях уже лет пять, хотя многие из предков вросли корнями в малоросские земли? А кому же еще? Пока эти борцы за покой и волю шупали деревенских баб да шумно грозились перебить активистов и зернозаготовителей, я занимался грязной и шумной работой. То есть террором.

Один за другим я неотвратно выщелкивал врагов Украины и прочих большевиков. То из-за засады пристрелим супостата. То домой к наиболее опостылевшему комиссару завалимся. И разговор короткий: пуля — и конец, делу венец. Так за мной утвердилась репутация готового на все и не боящегося никого народного героя.

Несколько месяцев, что мы ведем активный террор, нам удавалось успешно уходить от поднятых на наш розыск и ликвидацию бойцов ОГПУ, милиции и армии. Товарищи большевики в поисках нас носом землю рыли, но находили там только «желуди», то есть цепляли всякую мелочь. Мой же отряд просачивался как вода через решето.

Хотя Украинская Республика и наводнена людьми в форме, которыми эффективно проводились массовые мероприятия по околхозиванию и рас-

кулачиванию крестьян, уходить на этих просторах, скрываться и отлеживаться удавалось на удивление легко. Огромная часть населения готова была дать убежище «захисникам (защитникам) Украины», тем более тем, которые против колхозов и комиссаров бьют. А еще когда этот «захисник» деньги дает. И плюс к этому обещает жестокую месть предателям... Так что прятались, хоронились, выходили на цели мы без особых проблем.

Также без особых проблем удалось создать агентурную сеть в более-менее приличных населенных пунктах, систему связи и оповещения. Деньги и ненависть части населения как к советской власти, так и к Москве творили чудеса. Правда, и помогли мне некие благодетели тут очень хорошо, но это уже совсем другой разговор.

Еще нужно пояснить, что тянулось бандподполье не столько ко мне, сколько к моему оружию. Прошел слухок, который я не опровергал: у Указчика есть доступ к заныканным еще Петлюрой секретным оружейным складам. Там и винтовки, и пулеметы, и даже артиллерия. Хватит, чтобы кацапов скинуть хотя бы в нескольких районах, «освободительную власть» там установить, а потом начать эту земельку по разуму делить.

Время от времени приходилось устраивать вот такие сходы «Великой Украины», рискуя каждый раз, что информация о них утечет в ОГПУ. На этих пьяных сблищах думы думали об Украине, о ее

светлом, свободном от москаля, грядущем и — самое сладко-мечтательное — о распределении будущих должностей. И еще меня постоянно вопрошали, когда делить будем петлюровское оружие, а потом и саму Украину. Обычно от наполеоновских планов я отбrehивался чем-то многозначительным:

— Промедление, как и ранний старт, одинаково губительны для восстания. Пока еще рано. Но когда придет момент, все должны встать в ружье. Не медля и не сомневаясь.

— За нас не беспокойся! Мы завсегда, — звучали пылкие заверения. — Только оружие нужно! Оружие! Оружие!

Вот и сейчас заседание проходило в обычном русле, в томном блаженстве от обилия дармовой выпивки и жратвы. А тут я еще для полноты ощущений вывалил сумку с награбленными деньгами и объявил торжественно:

— На поддержку отважных борцов!

Секунда онемения. А потом ликующие вопли и сладость дележки. Пусть досталось каждому не так уж и много, но ведь досталось. Это такой прозрачный намек: с Указчиком не пропадешь.

Во время всей этой суеты в уголке сидел насупленный худошавый субъект, уже седой, в возрасте, неприлично интеллигентского вида, в круглых «очках-велосипедах», и взирал на всех осуждающе. Он был из вечно недовольных революционеров. Воевал и с царизмом, и с УНР, и с гетманом, теперь воюет с большевиками. Чудом остался жив. Готов воевать